

Первый ряд

Современная зарубежная проза

Elisabeth Rynell

HOHAJ

Элисабет Рюнель

СЕРЕБРЯНАЯ ИННА

Роман

Перевод с шведского
Екатерины Хохловой

МОСКВА «ТЕКСТ» 2022

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44
P97

Оформление серии Е. Кузнецовой

ISBN 978-5-7516-1753-0

Copyright © Elisabeth Rynell, 1997

First published by Albert Bonniers Förlag, Stockholm, Sweden

Published in the Russian language by arrangement
with Bonnier Rights, Stockholm, Sweden

and Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden

© ИД «Текст», издание на русском языке, 2022

Тщательно их рассмотри,
пока они не исчезли навсегда...
У них есть еще немного времени, пока еще
сердце удерживает их,
Пока еще прислуживают они в угодьях памяти...

*Из «Призраков памяти»
Харри Мартинсона*

Пустоши... Куда редко ступает нога человека...

Как странно оказаться здесь. Как странно видеть их здесь спящими наяву. Как странно, что здесь так необыкновенно красиво. Как странно идти по пустоши и внезапно обнаружить, что и здесь живут люди. Здесь, на краю мира, тоже живут люди. Их дома — микроскопические точки на карте. Лай собак разносится на сотни безмолвных километров вокруг...

Всю пустошь прорезывают тропинки. Их трудно заметить, но они есть. Протоптаные людьми и животными, они говорят на своем собственном языке. Есть здесь место и людскому наречью. Каждому камню, каждому холмику люди дали название на своем языке.

Пустынная местность в этом рассказе носит имя Хохай. Когда-то смысл этого названия был понятен, сегодня оно лишь буквы на указателе: полотно, в которое оно было вплетено, поистрепалось со временем.

Но тропинки — праязык — остались... На них встречаются память и забытьё. И за тишиной таится еще большая тишина.

I

30B

Сперва — воспоминание.

Мы уже много лет жили в Лапландии. На небольшом кусочке земли между лесом и горами. Мы — это ты, я и наши дети. Тогда они были совсем маленькими.

В том году весь ноябрь шел снег, тяжелый, мокрый... Дороги засыпало. Березы согнулись под его тяжестью. Мы с тобой пошли в сад отряхнуть деревья. Когда с ветвей на нас падали снежные хлопья, мы смеялись как дети. Несколько часов подряд мы отряхивали деревья с помощью палок. Зима в том году пришла рано. Мокрый снег замерз и покрылся корочкой наста. Электричество то и дело отключали. В снежной темноте ты на улице жарил бараньи котлеты на гриле. В зимнем воздухе пахло древесным углем, и я не знала, что реальность уже тогда превратилась в воспоминание.

Наутро у тебя был самолет. Такси приехало еще до шести. Я сквозь сон слышала, как хлопнула дверца автомобиля. Вот он и уехал, помнится, я тогда подумала.

Прошло несколько дней. Мы говорили по телефону. Снова наступило утро. Было еще темно. Дети спали в детской, я в — нашей постели. Почему мои руки дрожат, когда я пишу эти строки? В саду деревья склонились под своей снежной ношей. Наш маленький домик в лесу далеко от всего мира занесло снегом. Звонок телефона вырвал меня из сна, и трубку подняла уже не я, а испуганное животное, вытравленное из своей норы, дрожащее всем телом.

Голос телефонистки:

— Междугородный звонок из областной больницы. Соединяю.

Больницы? Ты? Но все же в порядке. Я звонила вчера. Ты очнулся после наркоза, немного поел киселя, сказали мне, и даже шутил с персоналом.

Другой голос в трубке, мужской. Он спросил, кто я и действительно ли это я, а не кто-нибудь другой. Это был врач. Он сказал, что случилось самое страшное. Я попробовала слова на вкус. Самое страшное. Это что-то,

что хуже, чем просто страшное. Но не ужасное, не трагическое, не катастрофа... этого он не сказал... Я не помню, что он говорил дальше, мои мысли были заняты этими словами: я сравнивала их, сопоставляла с тем фактом, что он звонит и звонит так рано — сколько сейчас времени? Внезапно я поняла, что мужчина на другом конце провода говорит об операции, вероятно, это он тебя оперировал. Он сказал, что все было хорошо, что вчера вечером ты очнулся. Зачем он это рассказывает? Что-то случилось потом? Самое страшное. Когда же он дойдет до сути? Теперь врач говорил про кисель. Он к чему-то клонит, что-то хочет сказать, я начала догадываться что. Казалось, меня окружала тонкая оболочка, готовая лопнуть в любую минуту. Ты без сознания? В коме? Я сейчас же поеду к тебе. Буду держать за руку, пока ты не проснешься. Но голос в трубке говорит что-то. Ты потерял сознание в туалете. Там была медсестра. Нет, тебя не оставляли одного: с тобой все время кто-то был рядом. Тебя положили на носилки, и ты снова потерял сознание. Подняли тревогу. Тебе дали кислородную маску, сделали укол адреналина. Голос как мясорубка, перемалывающая меня кость

за костью, жила за жилой. Голос говорит, что ты посинел, что анестезиолог, что дежурный врач, что ты на секунду очнулся, но снова потерял сознание, но я уже не слышу, что говорит голос... Вижу только контуры слов в мясорубке, в которую засосало все: картины, вспышки, всю мою жизнь, ты, наш дом, наш последний разговор, — все перемалывается в безжалостной мясорубке, и только. Все, что я различаю, это самая высокая нота на пианино, которая жалобным дискантом тренькает, тренькает посреди шторма.

И я оказалась одна на бескрайней равнине пустоты в полной тишине. Голос сказал: «...и он скончался в десять вечера и...» Мир для меня застыл. Никаких дорог, никаких нор. Но только на мгновение. А затем он начал трещать по швам и стремительно опрокидываться назад, назад в боль, сшибая все на своем пути и увлекая за собой. Под воздействием этой чудовищной силы каждая клеточка взорвалась жгучей болью. Назад, назад, против солнца, против солнца. Я закричала. Я стояла посреди бушующего шторма и кричала. Дети проснулись. Они прибежали из детской на мой безумный крик, напуган-

ные до слез. И я завопила. Я бросала им в лицо все эти невозможные, бесформенные слова о том, что их папа мертв. Я выталкивала из себя слова, выплевывала, бросала в детей, кричавших так, словно их бьют. В трубке на полу надрывался голос, но мы его не слушали. Мы с детьми обнимали друг друга, держались друг за друга...

Там была я, там были дети... Теперь я чувствовала удар... словно обухом по голове... мы все чувствовали его...

Прошло время. Прошло несколько часов. Подруга приехала и забрала детей. Снова и снова нужно было произносить эти слова, которые как змеи копошились у меня на языке, и их все время надо было сплевывать. За окном было светло. Наступил день, поняла я. А за ним наступит еще один. Немыслимо. Скотину в хлеву нужно было успокоить. Неужели это должна сделать я?

Козы вели себя тихо, когда я к ним вошла. Они смотрели на меня, не притрагиваясь к сену, которое я им накидала. И тогда я зарыдала. Я рыдала вместе с ними, я рассказывала им все без слов. В хлеву было так тихо. Они слушали. Животные все понимают. Некоторые вещи они понимают даже лучше нас. А я

уже перестала быть человеком. Я видела это в их глазах. Я была одной из них. Бессмысленным ненасытным существом.

Когда я вышла из хлева, что-то произошло. Везде лежал снег. Везде простирался мир. Деревья. Открытое пространство. Можно было просто взять и войти. Войти в мир. Но внутренний голос поманил меня к нашему дому и сказал: тебе нужно туда, в этот дом. Я не знала, стоит ли его слушать. Дом выглядел таким маленьким, таким никчемным, неужели меня действительно что-то с ним связывает? Неужели мне правда нужно туда? Неужели для меня там есть место?

Я посмотрела на лес. Внутри меня был и другой голос тоже. Больше похожий на крик, на зов... Зов, лес, небо... Настоящие. Но первый голос продолжал повторять: иди, иди к двери, это твоя дверь, там внутри твоя жизнь. Иди же, открой дверь.

И я оставила крик лежать на снегу. Я его услышала. Я знала, как он звучит внутри меня, в пустоте.